

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140, 145, 148, 151, 154, 157, 160, 164, 166 (2010 г.), 7, 10, 13, 16, 19

Вольная волюшка

Я напомнил писателям, что на минувший, третий срок, они избрали меня вопреки моей неохоте и нежеланию обкома и что теперь я наконец прошу посчитаться со мной и нынешними обстоятельствами и с моим предложением: внести в список для избрания в бюро отделения поэта-фронтовика серьезного ума и доброго нрава Александра Авдонина.

В его лице, уверен, вы обретете достойную мне замену. И я был поддержан собранием. Так что, господин А.С.Т., злокозненное трепло, я не просил и не мог просить Аксенова оставить меня в бюро. И не снимали меня с должности оргсекретаря, а я достиг вольной волюшки благодаря собственной целенаправленности. И не было страшным для меня то собрание. И не осторожничал я, когда писал город-завод и барачную жизнь рабочих семей. Я писал их с тем размахом истинной правды и глубины, до которой тогда никто не поднимался. И, смею утверждать, никто до сих пор мой рабочий класс-подвижник того периода не изобразил столь честно, красиво, проникновенно. И не говорил драматург Артур Миллер обо мне по «Голосу Америки» так: «Более запуганного и жалкого человека я не видел в своей жизни», потому что я тогда не был в «Новом мире», где якобы его знакомили с авторами журнала. Не ведаю, как отослались к Артуру Миллеру Александр Твардовский и его редколлегия, но убежден, что подобных знакомств они у себя не устраивали. Инна Петровна Борисова была редактором отдела прозы в те годы, когда я сотрудничал в журнале.

Я позвонил ей и узнал, что в памяти ее целиком отсутствует явление Артура Миллера в журнал. Я позвонил старшей дочери Твардовского Валентине Александровне. И ею не зафиксировано сие «знаменательное» событие. С убежденностью исключительно сведущего и образованного человека она сказала: если бы подобная встреча происходила, папа в своем дневнике это бы запечатлел.

Я не метил

В ДИССИДЕНТЫ

Ничего об Артуре Миллере нет ни в дневнике Алексея Кондратовича, весьма объемном, на полторы тысячи страниц, ни в дневнике Владимира Лакшина. В дневни-

ке Кондратовича есть упоминание о большом греческом поэте и прозаике Алексисе Парнисе. Я обращался к Валентине Александровне, чтобы узнать о взаимоотношениях Твардовского и Парниса, и получил ряд интересных сведений. Педалирую на этом ради подлинного серьезности. И не метил я в диссиденты, а следовательно, в авторы, которых переводят за рубежом, потому и меня, патриота родимой страны, не приглашали на Запад. И без политического заигрывания с Западом мои рассказы, повести и романы переводили на крупные и малые иностранные языки. И это у Ткачки тоже уровня словоблудия и фекальных измышлений.

«Вот таким жалким, кающимся он стал ездить в правление российского Союза писателей и просить прописку в Москве. Мол, обижают его в Калуге, не печатают, гонят...» Что касается жалкости, это я опроверг, жалок тот, кто впадает в двойную клевету. Оклеветал невинного Артура Миллера, чтобы оклеветать меня. Ездил я в Москву, но не каялся. Не было за мной вины. Вина была за обогативших мой не читанный ими роман («ветеранами Магнитки», работали они на строительстве комбината от трех месяцев двух лет), на цензорах и цехистах, на журналистах типа Михаила Ханановича Синельникова и так прочее. В Калуге негде было печататься, а в Туле, куда перекапывали калужан после закрытия местного издательства, я старался печатать своих подопечных. Мои журнально-издательские дела давно сосредоточились в столице. После погрома, учиненного «Юности в Железнодорожье», «Новый мир» принял к печати мою повесть «Голубиная охота». С нею меня поздравил телеграммой Александр Твардовский и напечатал ее в № 11 за 1969 год. А 12 декабря того же года Кондратович написал в дневнике данную Александром Трифоновичем оценку «Голубиной охоте»:

«Воронов пишет о голубях, но я вижу, что он любит не одних голубей, но и до боли любит людей, они тоже прекрасно описаны в этой его повести, которая, в сущности, представляет собой ответвление от Железнодорожского романа. У Воронова все по-другому (ранее Твардовский сопоставительно говорил про описание природы у Михаила Пришвина. – Н. В.) и его природоведение иного свойства, честное слово, он мог бы поспорить этой вещью с самим Аксаковым».

Тогда в журнале «Москва» находилась на прохождении другая моя повесть – «Не пер-

Георгий Марков – первый секретарь Союза писателей СССР

вая любовь», а в издательствах – романы: в Профиздате – «Макушка лета», в «Советском писателе» – «Все время ветер».

Повод для переезда

Неточность – это безответственность, разнузданность. Российского Союза писателей не было (он есть сейчас, в 2005 году, когда я пишу эту вещь) – был Союз писателей РСФСР.

Что ни слово у Ткачки – то подлог.

Я ездил в Москву не ради прописки, у меня имелась безотказная возможность: обмен калужской трехкомнатной квартиры на квартиру в столице. Возникали и отпадали варианты обмена, и всякий раз с потерей метража. За трехкомнатную – однокомнатную, изредка – двухкомнатную, но еще и с доплатой с нашей стороны. Остановились на двух просторных комнатах в коммуналке. Неподалеку от Кремля и опять же с доплатой. Возникла, однако, трудность: должна была выезжать семья из двух человек, а въезжать – из четырех, что не соответствовало тогдашним жилищным установлениям.

И вдруг повезло: около бюро обмена я встретил Бориса Суворова, заместителя председателя свежеобразованного кооператива «Успех-5»: Суворов обменивал на столицу воронежскую квартиру отца. Он был прочным: рассчитывал металлы на прочность. Он прикинул экономический вариант обмена,

на чем мы не сможем остановиться, все равно придется искать внутримосковский обмен («дважды переезжать сложно») и наверняка доплачивать. Выйдет себе дороже. Выгоднее, в том числе и психологически, попытаться через Союз писателей РСФСР кооперативный вариант.

Мой друг Анатолий Викторович Чехов – по-прежнему он курировал писательской области России – повел меня к заместителю председателя Союза писателей РСФСР Алим Пшемаховичу Кешокову. Я не был с ним знаком и внутренне обрадовался его светлому вниманию.

– Я ценю писателя Николая Воронова, – сказал Кешоков не по чиновничьи положенно, – и подпишу любую аргументированную бумагу на президиум Моссовета. Теперь же составьте такую бумагу с Анатолием Викторовичем.

Под эгидой СП РСФСР в столице организовалось издательство «Современник». Мы с Чеховым придумали повод для переезда: это издательство приглашает меня на руководящую должность. Едва мы взяли бумагу с машинки, Чехов указал на ее завершающую часть. Слева

от будущей подписи четко смотрелся тройной ранжир: «Заместитель председателя правления Союза писателей РСФСР, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Государственной премии СССР».

– Через месяц президиум Моссовета даст ответ, – уведомил меня благороднейший Чехов, – таково государственное установление, если в Моссовет обращается руководитель масштаба Кешокова. Его пост приравнивается к министерскому. Плюс народный избранник. И плюс крупный поэт и прозаик не только уровня Кабарды, но и общесоюзного.

Прекрасная черта

Через месяц, действительно, пришел ответ. Положительный. Разрешались вступление в кооператив и прописка на всю семью. Отрада! Везение! Но где взять денег на первый взнос? За повесть «Голубиная охота», хотя она еще не напечатана, Твардовский заплатил мне сполна и по высшей ставке: по четыреста рублей за авторский лист. Я получил больше тысячи, но их уже нет. Правда, Александр Трифонович предлагал заключить авансовый договор под заявку на роман «Макушка лета», да шибко неловко опять обращаться к нему со своей неделей. Решил толкнуться к Маркову Георгию Макаевичу, первому секретарю Союза писателей СССР. Марков, когда секретариат решал, печатать вторую половину романа «Юность в Железнодорожье» или отложить, нашел неотразимую формулировку: «Публикация неизбежна» – и поддержал бившегося за «Юность...» Александра Твардовского. Тем спас мой роман. В конце 50-х годов Георгий Марков

выручил книгу моих рассказов «Ожидание» (первоначально – «Голубой снег»). И теперь наверняка выручит через издательство «Советский писатель», принадлежащее СП СССР. У Маркова была прекрасная черта: он сразу делал то, что мог сделать безотлагательно. Он тотчас позвонил председателю правления «Советского писателя» Лесючевскому Николаю Васильевичу. На поручение Маркова заключить со мной договор на «Юность в Железнодорожье» и выдать гонорар в размере 60 процентов за первое издание, Лесючевский начал

отбояриваться, ссылаясь на критику, донельзя ужасную и незакрытую каким-либо оправданием.

– Я беру ответственность на себя, – внятно произнес Марков Лесючевскому. – Нам нужен этот писатель.

Смелый редактор

Неуклонный приказ Георгия Макаевича обеспечивали его положение в секретариате, депутатство в Верховном Совете СССР и членство в ЦК КПСС, которого удостоивались лишь единицы. Оказалось, что у моего романа есть в «Советском писателе» весьма ответственные сторонники: главный редактор издательства Валентина Михайловна Карпова и Вилкова, тоже Валентина Михайловна, заведующая отделом прозы. Они дали мне смелого редактора, неожиданно возникшего в моей судьбе, – Анатолия Николаевича Жукова. Он написал предлодку на договор, и в скором времени я сделал первый взнос в кассу кооператива «Успех-5». Двенадцатизэтажный дом строился космически стремительно, и я довольно скоро перебрался туда, в конце 70-го года, а мое семейство переехало ранней весной 71-го.

Всякая эпоха исключает единообразие. Большинство сегодняшних политологов, историков, журналистов, особенно телевизионных, подает советский период массовидно – как лавины, скользящие с гор. Индивидуальности сохранялись и честно действовали, каким бы испытаниям и опасностям они ни подвергались.

Георгий Марков проявлял неустрашимость, редактируя в Сибири молодежные газеты. После посадки старшего брата, которого пытали, поуродовали следователи, скрываясь на квартире своей жены Агнии Кузнецовой, временами – на охотничьих заимках отца, Георгий Моисеевич не оставял мысли достичь справедливости в Кремле, у Сталина. Совершая в Москву тайные поездки и возвращаясь ни с чем, он все-таки не обезнадеживался. Судьбу беглеца, изгоя, не исключено – лагерника или расстрелянного политического заключенного – он предотвратил романом «Строговы», над которым работал, обретаясь в нетях, и который передала в «Гослитиздат» Агния Кузнецова, где его отметили глубоко, до восхищения писатели-профессионалы, среди которых был знаменитый одессит Исаак Бабель. Почти гибельное минувшее, нет сомнения, удерживало Георгия Макаевича в пределах человеколюбивой чести, потому он и помогал мне

Продолжение следует.

> Индивидуальности сохранялись и честно действовали, каким бы испытаниям и опасностям они не подвергались